

Счастливая беда

В маленьком домике, расположенном среди дремучего леса, жил бедный дровосек с женою. У них было двое детей — мальчик и девочка. Первого звали Степой, а вторую — Наташей.

— Знаешь, что? — сказала однажды жена дровосека, приходявшаяся деткам мачехою. — Заведем мы завтра утром в лес Степу с Наташей, да там и оставим. Право, мне больше нечем кормить их, бедность такая настала, что страшно подумать!

Дровосек начал было возражать, так как ему жаль было своих кровных деток, но злая мачеха ничего не хотела слушать и, в конце концов, всё-таки уговорила сделать по своему.

От Степы и Наташи не ускользнуло ни одно слово из разговора родителей. Наташа закрыла лицо руками и заплакала.

— Перестань! — успокаивал ее Степа. — Я улажу дело так, что мы сейчас же домой воротимся...

Как только старики заснули, мальчуган вышел на улицу, наполнил карманы беленькими камешками, после чего снова возвратился в избушку, лег в постель и заснул крепким сном.

На следующее утро мачеха разбудила детей раньше обыкновенного, дала им по куску хлеба и повела в лес, не замечая того, что хитрый Степа идет да бросает позади себя камешек за камешком. Таким образом, они дошли до самой середины леса.

— Милые детушки, я разведу здесь костер, а вы посидите около и погрейтесь. Мы с мамой воротимся, — сказал им отец.

Детки повиновались. Перекусив захваченным с собою черным хлебом, они сладко заснули, а старик со старухою, шагая по пням да кочкам, поспешно направились домой.

— Слава тебе, Господи! Избавились от двух лишних ртов! — сказала старуха, входя в свою избушку.

Детки между тем проснулись. Увидав себя одних среди густого леса в такую темную ночь, что в двух шагах нельзя было различить предметов, Наташа залилась горячими слезами, но Степа вторично ее успокоил. Дождавшись

момента, когда показавшийся из-за облаков месяц осветил всё окружающее пространство, он взял девочку за руку и по раскиданным раньше камешкам благополучно вернулся домой.

Отворившая им дверь злая мачеха пришла в негодование, осыпала бедняжек целым градом ругательств и взяла с мужа честное слово, что он завтра же заведет детей снова в лес, но только уже в такое непроходимое место, откуда им никаким образом нельзя будет выпутаться,

По счастью, Степа и на этот раз услышал страшный заговор, после чего принялся обдумывать новое средство для спасения сестры и себя от предстоящей гибели.

Выйти, набрать камешков ему не удалось, потому что злая мачеха замкнула дверь, и ключ от неё положила под подушку; бедняга решительно не знал, на что решиться, и не видя другого исхода, следуя за сестрой и родителями в лес, бросал на землю, вместо камешков, кусочки хлеба, который получил на завтрак.

— Не бойся, всё будет отлично — утешал он маленькую Наташу, когда они снова остались одни в темном лесу.

Но, увы! На этот раз вышло далеко не отлично, так как летавшие по лесу птицы мгновенно выклевали разбросанный по траве хлеб, и наши бедные детки, пробежав напрасно целый день, в конце-концов с ужасом увидели, что они заблудились.

Собрав последние силы, несчастные малютки, однако, всё-таки подвигались до тех пор, пока, наконец, заметили крошечную избушку, крыша которой была сделана из пряника, стены из бисквита, а окна из сахара.

Обрадовались детки подобной находке и сейчас же стали лакомиться; но вот вдруг дверь избушки растворилась и на пороге показалась старуха.

— Милости просим, идите ко мне, вам у меня будет покойно и весело! — заговорила старушка ласковым голосом.

Детки доверчиво улыбнулись и последовали за нею в хижину, не подозревая, что старуха только притворилась доброю, а в действительности была самая злейшая из всех злых ведьм, зазвавшая их к себе с тем, чтобы сварить в кипятке и скушать.

Заметив, что дети очень голодны, она первым делом накормила их ужином, напоила чаем и уложила спать. На следующее утро, как только взошло

солнышко, старуха снова появилась в комнате детей и, поспешно схватив Степу за руку, потащила его и заперла в темный чуланчик; затем, вернувшись к кровати Наташи, приказала ей сейчас же вставать и отправляться за водой, чтобы наполнить котел, в котором должен будет вариться Степа. Услыхав это известие, Наташа со слезами принялась упрашивать ведьму помиловать братишку, но ведьма ничего не хотела слушать, продолжая откармливать мальчика в темном чулане, с тем, чтобы он разжирел, и чтобы мясо его сделалось вкуснее. Наконец, она объявила Наташе, что завтра убьет Степу и сварит из него бульон. Наташа расплакалась, упала на колени перед ведьмой, снова умоляя ее о помиловании, но ведьма ничего не хотела слышать.

— Залезь-ка в печку, да посмотри, довольно ли в ней жару, — сказала ведьма, когда критическая минута наступила.

Наташа догадалась, что ведьма посылает ее в печку с целью захлопнуть потом заслонку и зажарить, а потому поспешила отговориться тем, что слишком мала ростом, чтобы вскарабкаться туда.

— Пустяки — возразила ведьма. — Это вовсе не так трудно, как тебе кажется! — и, желая показать Наташе, каким образом следует лезть, моментально покарабкалась прямо в очаг. Тогда Наташа, недолго думая, захлопнула заслонку и побежала прямо к чуланчику, чтобы выпустить оттуда Степу.

— Ведьмы больше нет, она сгорела! — радостно крикнула девочка, бросаясь в объятия дорогого брата. — Побежим вон из этого ужасного жилища.

— Да, да! — отозвался Степа, и затем, увидав в одном из углов чулана большой сундук, наполненный серебром, золотом и драгоценными камнями, поспешно начал перекладывать всё это в собственные карманы.

— Теперь скорее в путь, — продолжал он, схватив сестренку за руку и бросившись бежать из избушки в лес, откуда, по прошествии самого непродолжительного времени, достигли родительского жилья, где застали отца в глубоком горе. Оказалось, что злая мачеха умерла и что старик, раскаявшись в своем зверском поступке относительно детей, не находили места от угрызения совести.

Увидев их живыми и здоровыми, он чрезвычайно обрадовался. Опросам, расспросам и разговорам не было конца. Затем, когда первые порывы радости несколько поулеглись, Степа рассыпал на полу захваченные с собою сокровища, глядя на которые дровосек только развел руками и проговорил шепотом:

— Теперь мы заживем спокойно, без всяких забот о насущном хлебе!

